

АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

15

Конфликт и миграции: грузино- абхазский пример в европейском контексте

Международная конференция

Стамбул: 18 – 19 июня 2008 г.

Берлин – Ирвайн – Лондон
2008

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

Conflict and Migration: The Georgian-Abkhazian Case in a European Context

Conference Proceedings

Istanbul, June 18-19, 2008

Editors and project coordinators: Paula Garb
Walter Kaufmann
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili
Rachel Clogg

The conference and this publication were made possible by support from:

The Institute for the Study of Nationalism and Conflict
The Center for Humanitarian Programmes
South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation
The Center for Citizen Peacebuilding, University of California, Irvine
Conciliation Resources

Copyright © 2010 University of California, Irvine; Heinrich Böll Foundation;
Conciliation Resources

University of California, Irvine	HBF South Caucasus	Conciliation Resources
Social Science Plaza A, Room 3151	38, Zovreti st.	173 Upper Street
Irvine, California 92697-5100	Tbilisi 0160, Georgia	London N1 1RG, UK
T: +1 949 824 1227	T: +995 32 38 04 67	T: +44 20 7359 7728
F: +1 949 824 1544	F: +995 32 91 28 97	F: +44 20 7359 4081
www.citizenpeacebuilding.org	www.boell.ge	www.c-r.org

Эмиль Хершак, Борис Никшич

Институт миграции и этнических исследований.

Загреб, Хорватия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ

(На примере Хорватии)

Сказать, что тема “конфликт и миграция” является сложной, было бы преуменьшением. Эта тема обширна, и хотя ее можно несколько сузить, рассматривая в данном исследовании “конфликт”, в первую очередь, как военный или политический, а миграцию, как этническую миграцию, тем не менее, количество исторических примеров, относящихся к данной категории, все равно будет огромным. По сути, типичные примеры встречались еще на заре человеческой истории. Мы могли бы, конечно, произвольно ограничить картину и сосредоточиться только на событиях современной эпохи, или недавних событиях. Однако, несмотря на специфику современной эпохи, механизмы, лежащие в основе военных конфликтов и этнических миграций, зачастую архаичны. Точно также оборонительная и агрессивная символика, характерная для таких конфликтов, обычно наследуются из прошлых эпох, хотя современные социальные, экономические и политические концепты вплетаются в такой сюжет. Некоторые модернисты считают, что эти современные компоненты являются истинными или, возможно, единственными причинами возникновения современных конфликтов, и что старые исторические “слои” используются, для оправдания этих причин в долгосрочной перспективе. Существует также научное направление, которое утверждает, что этническая или национальная идентичность сама по себе оппортунистический конструкт, который выстраивается вновь и вновь, чтобы обеспечивать интересы нынешних социальных групп и политических лидеров. Недостаток этой теории заключается в том, что она не объясняет преемственности традиций и завышает роль субъективного руководства. Распад бывшей Югославии, похоже, говорит об обратном. Субъективные интересы отдельных групп или

лидеров (независимо от того, как мы оцениваем их в долгосрочной перспективе, позитивно или негативно) могут быть достигнуты, *если и только если* они сформулированы в соответствии с реальными или предполагаемыми потребностями уже существующих этнических или национальных идентичностей.

Важно учитывать это при попытке понять и решать этнические и национальные конфликты. Вместе с тем, преемственность также является сложным понятием, она часто парадоксальна, и по самой своей природе никогда не поверхностна. Югославия не распалась из-за “вековой ненависти”, конфликт не произошел по упрощенной схеме, как это иногда тиражируется в зарубежных СМИ. Югославия выжила постольку, поскольку входящие в ее состав южнославянские народы (и позже другие меньшинства) считали, что страна охраняла и защищала их различные индивидуальные ценности и самобытность, которые развивались и были приняты ими задолго до создания первого югославского государства. В самом деле, если бы сербы, хорваты и словенцы уже не консолидировали бы свои собственные специфические этнические или национальные идентичности, первое Королевство сербов, хорватов и словенцев, переименованное в Югославию в 1929 году, никогда не было бы создано. И именно по той причине каждый раз, когда югославское политическое руководство пыталось стереть эти идентичности и создать единую нацию “над всеми”, страна стала ослабевать, и это приводило к имманентным этно-национальным конфликтам. Политика так называемого интегрального югославизма, югославская по названию, но сербская по содержанию (благодаря структуре власти и относительному демографическому доминированию), была одной из главных причин, почему Королевство Югославия распалось через несколько дней после нападения гитлеровской коалиции в апреле 1941 года. Частичные изменения этой политики в 1939 году, когда было создано автономное образование Бановина Хорватии внутри Королевства, были приняты слишком поздно, чтобы предотвратить распад.

Независимое государство Хорватия, сокращенно по-хорватски НДХ (Независима Држава Хорватска), было создано 10 апреля 1941 года хорватскими националистами, усташами, при помощи нацистской Германии и фашистской Италии. Это политическое образова-

ние получило неоднородную поддержку. Большинство хорватов с энтузиазмом приняли основную концепцию хорватского государства, однако большие территориальные уступки фашистской Италии и характер режима усташей, который принял расовые законы и осуществил акты геноцида в отношении евреев и цыган, наряду с массовыми репрессиям и казнями этнических сербов и других, также быстро оттолкнуло многих хорватов. Кроме того, в некоторых районах НДХ (ныне Хорватия и Босния), сербская повстанческая милиция, четники, проводили массовые убийства хорватов и боснийских мусульман. Действительно, репрессии, убийства и насильственные перемещения членов различных этнических групп совершались практически всеми иностранными и местными силами после падения первой Югославии. И эта ситуация в конечном итоге привела большое количество людей разных национальностей в антифашистское движение, руководимое партизанами Тито, по сути коммунистической партией.

Тито и его сторонники хорошо понимали причины падения предыдущего югославского государства. Так, в ходе второй сессии Антифашистского Совета по национальному освобождению Югославии (в последнюю неделю ноября 1943), они провозгласили что новое югославское государство, будет федерацией национальных республик, созданной на основе принципа самоопределения южнославянских народов.

Победа партизан в 1945 году привела к созданию Социалистической Федеративной Республики Югославия, с шестью социалистическими республиками. Федеральная модель была явно скопирована с Советского Союза: в государстве доминировала коммунистическая партия, и в первые послевоенные годы проводимая ею “методология” была очень похожа на советскую практику времени сталинской эпохи. Кроме того, сразу после своей победы, партизаны предприняли меры против различных “врагов народа”. К их числу относятся проведение массовых казней и “маршей смерти” против отрядов усташей и солдат регулярной армии НДХ, многие из которых бежали в южную Австрию с членами своих семей.

Также имели место массовые убийства, т.н. foibe, сбрасывание людей в пропасти в карстовых местностях Истрии и на побережье

Словении после прибытия партизан.¹ Последние способствовали созданию атмосферы страха и общей нестабильности в Истрии и в других районах, объединенных с Югославией, которые ранее в период между войнами относились к Италии. Мирный договор, подписанный с Италией в 1947 году, позднее обеспечил жителей этих районов правовыми гарантиями, и они могли “выбирать” итальянское гражданство и эмигрировать в Италию. Большинство этнических итальянцев, как и многие местные хорваты, и словенцы эмигрировали. В то же время, практически все немецкое население, которому вменялась коллективная вина в сотрудничестве с нацистскими силами, бежало или было изгнано из тех районов государства, в которых они проживали по меньшей мере с XVIII-го века. Сербь и хорваты из бедных сельскохозяйственных горных районов были переселены на плодородные земли восточной части Хорватии (Славонии), и в Воеводину, из которых немцы были высланы.

Я еще не коснулся вопроса статистики в отношении жертв геноцида или насильственного изгнания и т.д., в основном потому, что эти цифры были предметом политики манипулирования с самого начала. Сразу после войны количество убитых было умышленно завышено до 1 700 000 человек для того, чтобы увеличить объем военных репараций, требуемых Югославией от Германии и других побежденных стран оси. Однако более точной представляется оценка эксперта по статистике Боголюбa Косовича, сербского боснийца, проживающего в Америке, который определил цифру в 1 014 000 человек, которая почти совпадала с данными, предоставленными хорватским экспертом ООН Владимиром Державичем (1 027 000 человек). Более того, Косович пришел к выводу, что 487 000 человек из этого числа составляли этнические сербы, 207 000 – хорваты, 86 000 – боснийские мусульмане. Державич дал более высокое количество по сербам – 530 000, немного меньше оказалось хорватов – 192 000 и больше мусульман – 103 000. Принимая во внимание только территорию НДХ, Богович дал цифру по убитым сербам – 370 000.² По Державичу убитых сербов насчитывалось до 335 000, т.е. 13 000

---

¹ Итальянский термин *foibe* означает пропасть в карстовой местности

² см. Горан Николич, Истина и примирение на просторах бывшей Югославии http://www.nspm.org.yu/Debate/2006_POM_nikolic_zrtve111.htm

убитых за рубежом и 322 000 в стране, из которых 125 000 были комбатантами и 197 000 мирным населением (78 000 убиты усташами, 45 000 убиты немцами, 15 000 убиты итальянцами, 25 000 заболевшие тифом и 34 000 убиты в столкновениях между усташами, четниками и партизанами.)³ Разумеется, также сильно преувеличено количество жертв партии (коммунистической) из-за действий в период после Второй мировой войны. В некоторых комментариях было указано 300 000 хорватов, боснийских мусульман и других членов разгромленных армий, совместно с не-комбатантами, убитыми на юге Австрии, в соседней Словении или в ходе “маршей смерти”. Державич, однако, указывает общее количество между 45 000 и 55 000 человек. Аналогичны цифры в отношении лиц, убитых партизанами во время массовых убийств, сбрасывания в пропасти и в других ситуациях, в областях, доставшихся от Италии. Они составляют от 2 000 до 10 000 и более. В 2000 году авторы совместного словенско-итальянского доклада, который был направлен на преодоление исторических противоречий, решили использовать формулировку “сотни казней” в связи с этим вопросом.⁴

Но каким бы точным не было число жертв, была создана атмосфера небезопасности, как я отмечал, наряду с другими факторами, мотивировавшими массовый исход населения в Италию. Цифры, приведенные итальянскими авторами, иногда говорят о 350 000 итальянских изгнанниках, в то время как хорватские, словенские и другие итальянские подсчеты показывают, что было около 250 000 “оптантов” за весь период до 1961 года. Примерно треть этого оттока состояла из этнических хорватов и словенцев.

К последним этническим репрессиям, которые проводились партизанскими и югославскими властями после Второй Мировой войны, относится выселение немецкого меньшинства. В данном случае статистика варьирует от 200 000 до 550 000. Данные о меньшем количестве предоставлены Центром против изгнания в Висбадене, и включают случаи, зарегистрированные в период с 1944 до 1948.⁵

³ см. Владимир Державич, “Югославия – манипуляции с количеством жертв Второй Мировой войны”, <http://www.hic.hr/books/manipulations/index.htm>

⁴ см. “словенско-итальянские отношения, 1880-1956”, <http://www.kozina.com/premik/poreng4.htm>

⁵ см. Zentrum Gegen Vertreibungen, <http://www.zgv.de/aktuelles/?id=59>

Однако, следует отметить, что большая часть этнических немцев была эвакуирована в Германию и Австрию до победы партизан, так что к концу 1944 года только 195 000 немцев оставалось в новом югославском государстве. 170 000 были помещены в концентрационные лагеря, в которых по болезни и из-за плохих условий жизни погибло около 60 000 человек. Кроме того, законы нового режима не только исключили возможность возвращения немцев, которые уже уехали, но также санкционировали конфискацию их земель. Таким образом, в общей сложности 97 720 хозяйств, охватывающих 637 939 га были конфискованы (5 703 хозяйств в Словении, 20 457 в Хорватии, 3 523 в Боснии и Герцеговине, 68 035 в Воеводине и одно в остальной части Сербии).⁶ В сочетании с другими факторами, такое уничтожение экономической основы немецкого меньшинства, которое ранее в основном было сельским, естественно, вынудило остальных немцев эмигрировать.⁷

* * * То, что я говорил выше релевантно для понимания последних этнических конфликтов и миграций, которые произошли во время окончательного распада Югославии, а точнее в период войны в Хорватии. Прежде всего, модели этнического терроризма и этнической чистки на южнославянской территории в значительной степени *осуществлялись* и даже находили политическое *оправдание* во время Второй Мировой войны и в послевоенные годы. Но это не было результатом “вековой ненависти”, и скорее является результатом создания государственных проектов, которые пытались отрицать существующие идентичности, и которые были смоделированы в соответствии с распространенными тоталитарными методами времени: нацистско-фашистскими и позднее сталинскими.

Еще в 1937 году Васа Кубрилович (1897-1990) ясно продемонстрировал эту логику, призвав к высылке албанцев из Королевства Югославия во время чтения лекции в сербском культурном клубе в Белграде. По его словам: “Если Германия может вынудить десятки

---

⁶ Владимир Гейгер, “Folksdojieri я nametanje kolektivne krivice”, Fenster – Poverenje, pomirenje, rolyenje, Sremski Carlovci, May 2003, p. 7. В качестве примера, число этнических немцев сократилось в сербской автономной области Воеводина

⁷ от 465 920 в 1941 до 31 821 по переписи населения 1948 года.

тысяч евреев эмигрировать, [и] Россия переместила миллионы людей с одного конца континента в другой, то вряд ли из-за нескольких сотен тысяч албанских эмигрантов начнется мировая война”.⁸ Следует отметить, что, Кубрилович был участником покушения на Франца Фердинанда в 1914 году, занимал пост министра в правительстве Тито, и был авторитетным ученым.

Позже, в начале войны (в декабре 1941), идеолог четников Стефан Молжевич (1883-1946) писал своему коллеге Драгишу Вашичу (1885-1945), обращая внимание на то, что необходимо занять как можно больше территории и “очистить” ее, пока никто не заметил. Стратегия этнической чистки не может быть более ясной, чем в этом заявлении, как и в идее Кубриловича о том, что никому не будет дела до этнической чистки, уже после того, как она будет осуществлена.

Второй важный момент состоит в том, что опыт Второй Мировой войны и манипуляций с количеством жертв широко использовался для мобилизации масс во время распада Югославии и в пост-югославских войнах. До распада Югославии представители сербских националистических движений завышали цифры сербов, убитых усташами, говоря о более 700 000 человек, даже о количестве, превышавшем миллион. Хорватов представляли как народ, по своей природе склонный к осуществлению геноцида. Это делалось для того, чтобы посеять страх среди этнических сербов в отношении появления независимого хорватского государства.

Наконец, все народы, о которых идет речь, много раз оказывали сильное сопротивление этническому терроризму, который совершали их группы по отношению к представителям других этнических групп. Соседи активно защищали соседей, принадлежащих к другим национальностям. Это, наряду с провозглашенным постулатом равенства народов в будущем государстве, стимулировало рост партизанского движения Тито. Однако, как я уже отмечал, режим, одержавший победу в 1945 году, сам осуществлял акты терроризма и этнических чисток.

---

⁸ Bože Čović (ed). *Izvori velikosrpske agresije*. Zagreb: August Cesarec – Školska knjiga, 1991, p. 112

* * * Несмотря на то, что Социалистическая Федеративная Республика Югославии была создана как типичное коммунистическое государство, ее политическая система постепенно смещалась в сторону от сталинской модели. Хотя государство так и не стало демократическим, практически до кануна его распада казалось, что оно функционировало и обеспечивало более высокий уровень жизни для своих народов. Кроме того, помимо сербов, хорваты и словенцы, боснийские мусульмане (боснийцы), македонцы и черногорцы считались составными народами, населяющими государство. Большая автономия была предоставлена этническим меньшинствам, особенно албанцам в Косово и венграм в Воеводине. Тем не менее, если анализировать историю социалистической Югославии, то надо отметить, что серьезные кризисы происходили регулярно, примерно раз в пять лет или около этого. Объединению страны, в основном, способствовали два главных фактора: 1) гегемония коммунистической партии, переименованной в 1952 году в Союз коммунистов, и 2) конкретные обязательства, взятые Югославией перед международным сообществом после разрыва Тито со Сталиным в 1948. Вторым фактором имел два аспекта: на международной арене позиция Югославии постепенно привела ее в движение неприсоединения, что, возможно, было выгодно и Соединенным Штатам и Советскому Союзу в период холодной войны. В самой стране образ холодной войны и внешних врагов с Востока и Запада помогал сохранять представление о том, что Югославия как государство была необходима для защиты населяющих ее страну народов. Таким образом, как только произошел распад Союза югославских коммунистов в 1990 году, приведший к первым демократическим выборам в 1991 году, и как только завершилась холодная война, особых причин для существования Югославии больше не стало. Ситуация усугублялась тем, что после смерти Тито страна переживала экономический кризис в течение почти десяти лет. Распада следовало ожидать, и сам по себе он не должен был означать нечто негативное. Если бы мирное разделение было бы достигнуто, как в случае с Чехословакией, то можно было бы себе представить даже улучшение отношений между бывшими югославскими республиками, но не ужасные пост-югославские войны, которые произошли на самом деле.

Среди всех народов и этносов страны, можно определить различные причины, которые способствовали жестоким обстоятельствам распада Югославии. Тем не менее, главная причина, несомненно, крылась в интенсивном и агрессивном движении за Великую Сербию, спровоцированном Слободаном Милошевичем, который пришел к власти в тот момент, когда экономическая и политическая система в стране была очень близка к краху. По мере того, как темпы инфляции многократно росли, Милошевич укреплял свои позиции как лидера сербов, и прежде всего, он использовал вражду между сербами и албанцами Косово. В 1988 году, будучи президентом Сербии, он начал популистскую анти-бюрократическую революцию, которая стала причиной краха местных управлений Воеводины и Черногории. Вслед за этим, в 1989 году были приняты поправки к Конституции Сербии, которые значительно урезали права автономии Воеводины и Косово, и делали их представителей на федеральном уровне марионетками Сербии. В то же время, слабое, с растущей некомпетентностью, федеральное правительство не могло найти решения для ухудшавшегося состояния экономики.⁹ Следующие несколько лет, по стратегии Милошевича больше внимания уделялось централизации Югославии, и большей власти для Сербии, что на самом деле, означало возврат к тому типу системы, которая существовала в Королевстве Югославия, т.е. югославской по названию и сербской по содержанию. В дополнение к этому, Милошевич был поддержан не только националистами Большой Сербии, но и законными коммунистами, особенно в армии, которых, естественно, привлекал централизм, и которые противостояли перспективе введения многопартийной демократической системы в Югославии. Тот факт, что сербы и черногорцы не были пропорционально представлены в высших чинах Югославской народной армии, укрепил в дальнейшем союз между крайними националистами и коммунистами.

---

⁹ 16 марта 1989 года премьер-министр, Бранко Микилич подал в отставку со своего поста, и 28 июня, на Косово поле, Милошевич произнес свою знаменитую речь в ознаменование 600-летия Битвы в Косово. Хотя в своей речи он говорил о единстве, братстве и справедливости между народами Югославии, он в основном, подчеркивал роль Сербии и сербского единства. Поэтому, как правило, считают, что Косово поле стало поворотным пунктом в развитии современного движения к Великой Сербии.

Все эти изменения происходили постепенно. Милошевичу удалось завоевать национальные чувства сербов, хотя, был ли он когда-либо истинным сербом – националистом, довольно спорный вопрос. Вероятнее, что он сыграл на разочарованиях и претензиях сербов для того, чтобы добиться своей собственной цели. Однако это дало выход многим накопившимся чувствам. Начали появляться открытые группы четников, и несербское население почувствовало себя в небезопасности. В январе 1990 года во время 14-го съезда Союза коммунистов, Милошевич пытался провести свои решения во время продолжавшегося кризиса югославской федерации, что привело к выходу в начале словенских и затем хорватских коммунистов из Союза. Три месяца спустя, Словения провела первые многопартийные выборы в бывшей Югославии. В конце того же года (26.12.1990), в Словении прошел референдум, который подтвердил намерение страны выйти из состава Югославии. Через некоторое время, то же самое произошло в Хорватии. В мае 1990 года были проведены первые многопартийные выборы, закончившиеся победой Хорватского Демократического Союза Франьо Туджмана. 19 мая 1991 года был проведен референдум с теми же результатами, что и референдум в Словении. 25 июня 1991 года Словения и Хорватия провозгласили независимость от Югославии.

* * * На другой день мне пришлось поехать в университет Любляны для консультаций. На границе со Словенией уже развевался словенский флаг, и располагалась служба охраны. В Любляне югославские военные самолеты низко летали над городом, поэтому я решил поспешить вернуться в Загреб. По дороге домой, я увидел солдат словенской территориальной обороны, которые располагались почти во всех лесах вдоль дороги. На следующий день началась словенская война. Она закончилась всего лишь через десять дней победой словенских сил, поскольку режим в Белграде, очевидно, был готов отпустить Словению.

Тем не менее, эта война не была “опереточной войной”, как это часто насмешливо озвучивается, особенно в сравнении с войной в Хорватии и Боснии и Герцеговине, которые начались после нее. Пока она длилась, она была настоящей, и там были реальные жертвы.

Однако решение “Пусть Словения уходит”, говорило о другом. Стратегия сохранения всей титовской Югославии уступила место резервному плану. Словения была небольшой, она не имела протяженного морского побережья, и сербское меньшинство в этой стране не было существенным (сербская община в Словении состояла из недавних экономических мигрантов). Это была не Хорватия или Босния и Герцеговина. По резервному плану акцент был смещен на сербские меньшинства в Хорватии и в Боснии и Герцеговине.

Трудно с точностью определить, когда началась война в Хорватии. Некоторые лидеры сербского этнического меньшинства в Хорватии провозгласили “Сербскую Автономную Область Крайна” еще в октябре 1990 года, до проведения хорватского референдума о независимости. Это привело к конфликтам с регулярной полицейской армией Хорватии. Во время одного из таких инцидентов на Плитвицких озерах в Пасхальное воскресенье 1991 (28 марта 1991) был убит хорватский полицейский. Этот человек (Йосиф Йович, 1969-1991), считается первой жертвой хорватской войны за независимость. К тому времени боевики сербского меньшинства в Хорватии при поддержке югославской армии начали выступать против вновь избранного хорватского правительства. Случаи насилия между группами хорватской и югославской армий участились, особенно во время словенской войны. Правительство Хорватии, возглавляемое президентом Франьо Туджманом, не могло еще дать отпор в полную силу.

Воинствующие лидеры сербов начали все чаще отождествлять хорватов с усташами, и нагнетать атмосферу страха среди местных сербов в Хорватии. Преступления усташей в ходе Второй Мировой войны систематически упоминались и использовались в качестве оправдания для выступлений сербов и отказа принять идею независимой Хорватии. И как только была объявлена независимость Хорватии, повстанцы провозгласили свою собственную “Республику Сербская Крайна”. Это название само по себе является исторической фикцией, так как ничего никогда не существовало под именем “Сербская Крайна”. Крайна был общим термином, относящимся к военной границе между Королевством Хорватии, Славонии и Далмации (в рамках Габсбургской монархии) и Османской Турцией. Эта область никогда не была исключительно сербской ни этнически, ни

политически. В ходе событий югославская армия быстро становится чисто сербской, в виду того, что из нее бежали солдаты других национальностей, с ней часто видели отряды четников, которые открыто заявляли, что борются за Великую Сербию. “Сербская Крайна” занимала большую часть территории Хорватии, в том числе значительную часть земель далматинцев и районов Лики, Кордуна, Бановины, а также Западной и Восточной Славонии. Произошла серия спорадических массовых убийств хорватов в этой области, в результате чего начался массовый исход беженцев в ту часть Хорватии, которая находилась под управлением правительства. Город Вуковар на Дунае, выдерживавший осаду югославской армии и сербских нерегулярных сил более ста дней, в конце концов, пал в ноябре 1991 года. Рассказы беженцев из этих районов оказали неизгладимое впечатление на хорватскую общественность, особенно после того, как выяснилось, что югославская армия и сербские нерегулярные войска устроили жестокие убийства в Вуковаре. В то же время, югославская армия и черногорские территориальные силы начали массированное нападение на исторический город Дубровник на крайнем юге Хорватии.

Все это происходило тогда, когда Хорватия еще не была признана в качестве независимого государства. Однако в январе 1992 года Хорватия и Словения были признаны всеми государствами-членами Европейского Союза (Исландией, Ватиканом и Сан-Марино даже раньше). В феврале они были признаны Россией, а в апреле США. Между тем, Босния и Герцеговина также провела референдум о независимости (в октябре 1991 года), и была признана Соединенными Штатами в один день вместе с Хорватией.

* * * Сложно рассказать обо всех разочарованиях и опасениях большинства населения Хорватии во время Освободительной войны. Неважно было, националист ты или нет, но естественная реакция была определить, кто агрессор и выполнить свой гражданский долг, делая все возможное, чтобы остановить агрессию. В период со времени международного признания Хорватии в начале 1992 года и до победных операций 1995 года Хорватии удалось консолидировать свои силы и более или менее функционировать, но было все

еще трудно жить и “дышать” в обычном режиме. Страна была раздроблена, и в некоторых частях почти расколота надвое из-за потери контроля над районами, оккупированными сербами – повстанцами.

Миротворческие силы ООН (UNPROFOR), созданные в феврале 1992 года, только укрепили территориальные захваты сербов. В целом этот период характеризовался постоянными переговорами по прекращению огня и нарушениями его режима. Можно охарактеризовать эту ситуацию как продолжительную “траншейную войну”

Развитие событий начало меняться в 1995 году. Сперва 1 мая 1995 года хорватская армия провела операцию “Вспышка”, которая очень быстро, с минимальными жертвами, прекратила оккупацию сербскими повстанцами Западной Славонии. Вслед за этим в августе 1995 года состоялась более широкомасштабная операция “Буря”, в течение которой всего за несколько дней полностью были ликвидированы все сербские повстанческие формирования в Хорватии, кроме районов Восточной Славонии и Западного Срема. Эта область была мирно реинтегрирована в Хорватию с помощью ООН в 1998 году.

* * * Наконец, мы подошли к вопросу о военных мигрантах и, возможно, в этом заключается актуальность ситуации Хорватии для других стран.

Как показывают данные, в первые годы войны в Хорватии доминирующим типом миграции, спровоцированной вооруженным конфликтом, явились потоки беженцев, в основном этнических хорватов, которые бежали из зоны военных действий или были непосредственно изгнаны из районов, оккупированных сербами. В 1991 году около 550 000 человек бежали в районы, подконтрольные правительству Хорватии. Эти лица обозначались как *prognanici* (буквально высланные) по официальной хорватской терминологии. Мы будем обозначать их здесь как *внутренних* хорватских беженцев или перемещенных лиц. Кроме того, в этом же году около 148 000 граждан Хорватии, опять-таки, в основном этнических хорватов, бежавших из зон военных действий, или изгнанных из сербских оккупированных районов, нашли убежи-

ще в других странах Европы, в основном в Германии, Австрии, Словении и Венгрии. Эти лица могут быть обозначены как внешние хорватские беженцы.

В 1992 году официально 289 295 внутренних хорватских беженцев и перемещенных лиц вернулись в свои дома через программы по возвращению. Это довольно большая группа, которая большей частью состояла из лиц, бежавших из зон военных действий на начальном этапе войны, когда было трудно предвидеть, насколько сербская экспансия будет распространяться, или, другими словами, когда размеры потенциальной опасности еще были неизвестны. К 1992 году ситуация была более стабильной, поскольку хорватские правительственные силы к тому времени создали сильную линию обороны, и международное признание Хорватии также способствовало стабилизации положения. Однако в 1992 году внешние хорватские беженцы не возвращались в большом количестве. Сам факт того, что эти люди искали убежища в отдаленных местах, т.е. в других странах, показывает, что механизмов поддержки в Хорватии (в том числе родственников и друзей) в качестве внутренних беженцев они не имели, и в целом, их положение было более сложным.

Также в 1992 году, вместе с возвращением некоторых внутренних и внешних беженцев, Хорватия стала принимать большое число беженцев из Боснии и Герцеговины (БиГ) и Союзной Республики Югославии (СРЮ). Последними республиками, входившими в состав югославского государства, были только Сербия и Черногория. Большинство беженцев из Боснии и Герцеговины были хорватами и боснийскими мусульманами- босниаками, тогда как большинство беженцев из СРЮ были этническими хорватами из сербской провинции Воеводина и Косово, и в меньшей степени из Которской бухты в Черногории. Следует помнить, что война в Боснии и Герцеговине началась в том же году (1992), и что ситуация в Сербии и Черногории для этнических хорватов все более ухудшалась. Согласно оценкам, около 458 000 беженцев из Боснии и Герцеговины и СРЮ нашли убежище в Хорватии в 1992 году (число беженцев, официально зарегистрированных в 1992, году составило 402 768). Большинство пришли из Боснии и Герцеговины. Общее число беженцев из Союзной Республики Югославия в период войны (1992-1998) было около

40 000, из которых 30 000 пришли из Воеводины, 6 500 из Косово, и 3 500 из Черногории.¹⁰

Если проанализировать динамику численности беженцев в период с 1991 по 1998 год, мы можем подсчитать, что в этот период 511 238 хорватских внутренних беженцев, или 82,8% от общего числа, в конечном итоге возвратились в свои дома. В этот же период около 106 000 внешних хорватских беженцев около 71,6% от их числа вернулись в свои дома, или 319 000 беженцев из Боснии и Герцеговины и Сербии и Черногории то есть 79,3% также вернулись домой. Хорватские военные операции “Вспышка” и “Буря” в 1995 году, как представляется, имели более непосредственное влияние на возвращение хорватских внешних беженцев, вероятно потому, что возвращение хорватских внутренних беженцев превратилось в постоянный процесс. Наибольшее сокращение числа беженцев из Хорватии в соседние страны (БиГ и СРЮ) произошло в 1993 году. Этот год отличился конфликтом между бывшими союзниками в Боснии и Герцеговине, боснийскими хорватами и боснийскими мусульманами (босняками), который, несомненно, оказал влияние на количество беженцев.

Следующие таблицы иллюстрируют динамику в период с 1991 по 1998 год (т.е. с начала войны в Хорватии до окончательного освобождения / реинтеграции страны).

---

¹⁰ Хорваты в Косово были в основном представителями изолированных этнических меньшинств, известных как джанджевцы, которые жили в окрестностях города Джанджево с 14-го века. В 1991 году Джанджевцев насчитывалось 8 062 в Косово, к 1998 году их осталось лишь 1 300. Это оставшиеся население сокращалось еще во время войны в Косово (1996-1999), так что сегодня есть только около 350 джанджевцев в Косово. Исход из Черногории, из региона Которской бухты был менее очевиден, так как количество хорватов повсеместно уменьшалось в течение 20-го века. Хорваты (католики) составляли около 70% населения региона Котора в 1910 году, а к 1991 году они составляли 8% населения, в 2003 году 7,6% (831 человек в Герцеговине, 1842 в городе Которе и 2761 в Тивате). В Воеводине количество хорватов уменьшилось всего лишь за два десятилетия от 119 157 или 5,4% в 1981 году до 56 546, или 2,8% в 2002 году, также 19 766 (0,97%) зарегистрированы как бундевцы. В 1948 году первой югославской переписи после Второй Мировой войны было зарегистрировано 134 232 хорватов в Воеводине, которые составляли 8,1% населения провинции, а в 1961 году эта цифра была выше, чем 145 341, хотя процент хорватов в населении края был несколько ниже (7,8 %).

Таблица 1**Количество внутренних беженцев в Республике Хорватии и их организованное возвращение**

Год	Количество внутренних беженцев в Республике Хорватия	Организованное возвращение беженцев (число)	Индекс 1991=100
1991	550 000	-	100.0
1992	260 705	289 295	47.4
1993	254 791	34 504	46.3
1994	196 870	57 921	35.8
1995	210 592	13 722	38.3
1996	167 609	42 938	30.5
1997	117 721	49 888	21.4
1998	94 796	22 925	17.2
<i>Итого</i>		511 238	

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

Таблица 2**Количество внешних беженцев из Республики Хорватия и их возвращение**

Год	Внешние беженцы из Республики Хорватия	Вернувшиеся внешние беженцы из Республики Хорватия	Индекс 1991=100
1991	148 000	-	100.0
1992	136 000	12 000	91.9
1993	112 000	24 000	75.7
1994	98 000	14 000	66.2
1995	64 000	34 000	43.2
1996	58 000	6 000	39.2
1997	49 000	9 000	33.1
1998	42 000	7 000	28.4

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

Таблица 3

**Беженцы из Боснии и Герцеговины и Союзной Республики
Югославии и их возвращение**

Год	Зарегистрированные беженцы из БиГ и СРЮ в Республике Хорватия	Зарегистрированное и приблизительное количество беженцев из БиГ и СРЮ в Республике Хорватия	Сокраще- ние в количестве	Индекс 1991=100
1991	-	-	-	-
1992	402 768	458 000	-	100.0
1993	272 859	312 000	146 000	68.1
1994	212 056	272 000	40 000	59.4
1995	188 672	241 000	31 000	52.6
1996	184 545	205 000	36 000	44.8
1997	106 750	147 000	58 000	32.1
1998	37 400	139 000	8 000	30.3
<i>Total</i>			319 000	

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

Переходя к проблеме беженцев с “сербской стороны” во время войны в Хорватии, рассмотрим динамику количества беженцев или перемещенных лиц, покинувших населенные ранее сербами части Хорватии. Можно сразу заметить резкое повышение числа беженцев в 1995 году после хорватских военных операций “Вспышка” и “Буря”. Согласно официальной статистике Хорватии, 130 000 человек, в основном этнические сербы, покинули Хорватию в 1995 году. Чуть более половины беженцев от их общего числа (283 000) покинули ранее населенные сербами районы Хорватии в другое время: некоторые в начале войны, некоторые в 1992 году (после международного признания Хорватии), и т.д. Это можно увидеть по данным, приведенным в таблице 4. Была также разница в исходе сербов, по сравнению с предыдущими потоками беженцев и перемещенных лиц. Исход сербов в 1995, по-видимому, был хорошо подготовлен заранее, как это можно видеть по тому, как он проводился. После падения Вуковара в ноябре 1991 года люди бежали в автомобилях, схватив необходимые вещи в чемоданах или в пластиковых мешках, во время исхода сербов в 1995 участвовали моторизованные колонны тракторов, вагонов и грузовых автомобилей.

Таблица 4

Динамика выехавших из Республики Хорватия лиц сербской национальности (по этнической принадлежности)

Год	Количество лиц, покинувших Республику Хорватия	Рост количества перемещенных лиц
1991	26 000	26 000
1992	93 000	67 000
1993	117 000	24 000
1994	127 000	10 000
1995	135 000	8 000
1996	265 000	130 000
1997	272 000	7 000
1998	283 000	11 000
<i>Итого</i>		283 000

Источник: Государственное управление по делам беженцев, Загреб, 1998

В итоге, если посмотреть на общую ситуацию 1998 года, в конце войны, было: 1) 94 796 внутренних хорватских беженцев или перемещенных лиц, 2) 43 000 внешних хорватских беженцев (проживающих за рубежом), 3) 139 000 беженцев из Боснии и Герцеговины и СРЮ, и, наконец, 4) 250 000 беженцев и перемещенных лиц из Хорватии в СРЮ и в сербском образовании Боснии и Герцеговины (т.е. Республика Сербская). К четвертой группе относятся главным образом этнические сербские беженцы и перемещенные лица, которые выехали из районов, ранее занимаемых сербскими силами.

Что касается политики возвращения, нет нужды объяснять усилия правительства Хорватии, которые поощряли возвращение хорватских беженцев в свои дома, а также других лиц, которые были “на хорватской стороне” во время войны. Эти усилия очевидны. Однако хорватское правительство также приняло общий принцип обеспечения права на возвращение всех перемещенных в результате военных действий лиц (если они того желают), независимо от их национальной / этнической или иной принадлежности, и не выд-

вигая в качестве предварительных условий ответные действия со стороны соседних государств (СРЮ, то есть Сербии и Черногории, и Боснии и Герцеговины). В конечном итоге эти страны все равно должны были начать сотрудничать между собой. В частности, 31 января 2005 года правительства Хорватии, Сербии и Черногории (бывшей ФРЮ)¹¹ и Боснии и Герцеговины в Сараево подписали декларацию, в которой эти три страны приняли решение рассмотреть все оставшиеся проблемы в отношении беженцев к концу 2006.

Последние статистические данные, опубликованные хорватским Министерством моря, транспорта, туризма и развития в январе 2007 года, показывают, что с 1995 года общее число беженцев и перемещенных лиц, которые вернулись в свои дома, составило 342 897. Из этого числа 219 255 являются внутренними беженцами, в основном, это этнические хорваты (64%) и 123 642 – этнические сербы (36%). Позднее, 90 909 лиц вернулись в Хорватию из Сербии и Черногории, 9 148 человек из Боснии и Герцеговины и 23 585 из региона Восточной Славонии и Западного Срема, которые были мирно реинтегрированы в состав Хорватии в 1998 году. Кроме того, беженцы из Сербии и Черногории подали 11 598 заявлений на возвращение.

Следует также добавить, что в некоторые районы, которые ранее обезлюдели из-за войны, были поселены иммигранты из Боснии и Герцеговины после отъезда этнических сербов, что позднее осложнило ситуацию как для хорватских, так и для сербских беженцев. Следующие данные, полученные из переписи населения 2001 года, свидетельствуют о ситуации в четырех районах Хорватии, которые контролировались сербскими повстанцами в ходе войны:

---

¹¹ Союзная Республика Югославия (или то, что осталось от Югославии) была реконструирована в государственный союз Сербии и Черногории в 2003 году. Этот союз продержался до середины 2006 года, когда Черногория (после референдума 21 мая 2006) заявила о своей независимости (3 июня 2006).

	<i>Западная Словения</i>	<i>Восточная Словения</i>
Вернувшиеся хорваты	10 737	83 445
Вернувшиеся сербы возвращенцы	8 198	7 081
Эмигранты из Б и Г	34 197	22 475
ВСЕГО	53 132	113 001
	Бановина	Далмация
Вернувшиеся хорваты	32 764	59 923
Вернувшиеся сербы	31 731	37 268
Эмигранты из Б и Г	14 845	17 466
ВСЕГО	79 340	114 657

* * * Несомненно, война изменила национальную / этническую структуру населения Хорватии за счет значительного сокращения сербского меньшинства и его доли в общей численности населения. По переписи населения 1991 года, незадолго до войны, хорваты составляли 78,1% населения Хорватии и сербы 12,2%.¹²

По переписи населения 2001 года, проведенной спустя несколько лет после окончания войны, хорваты составляли 89,6% населения, а сербы только 4,5% (ни одна другая из почти 20 национальных / этнических групп в Хорватии не составила более 0,5% населения страны). Большая часть этих изменений была результатом исхода сербов из Хорватии после падения самопровозглашенной “Сербской Краины”. Меньшую часть изменений следует отнести к иммиграции хорватов в Хорватию из Боснии и Герцего-

---

¹² В 20-м веке произошли изменения, но хорваты всегда составляли более 70% населения Хорватии. Наибольшие изменения, произошли между переписью населения в 1931 и в 1948 годах, несомненно из-за действий НДХ в отношении сербского меньшинства, которое уменьшилось с 18,5% населения до 14,38%, но также из-за оттока немцев, которые составляли 2,9% населения в 1931 году и лишь 0,3% в 1948 году. В 1948 году хорваты составляли 78,7% населения, и сербы 14,38%. Различные причины привели к постепенному сокращению сербского меньшинства: организованное расселение хорватских сербов на бывшие земли немцев в Воеводине, тенденция к более тесной связи с югославским государством и представлять себя как “югославов”, особенно в период между переписью в 1971г. и переписью в 1981 году (когда доля “югославов” выросла с 1,9% до 8,2%, и доля сербов сократилась с 14,2% до 11,6%, хотя эта тенденция также оказывала влияние на другие этнические группы), и т.д.

вины, а также из Союзной Республики Югославии (например, Сербия и Черногория).

Однако, следует отметить, что, хотя изменения в национальном / этническом составе Хорватии были значительными, хорваты всегда численно были в большинстве в течение последнего периода истории, и даже если гипотетически представить возвращение всех сербских беженцев, то это не привело бы к изменению ситуации.¹³ Важно учитывать этот момент, поскольку он означает, что возвращение сербских беженцев не угрожает общему национальному характеру Республики Хорватия.

Мы видим, что чуть более трети всех сербских беженцев и перемещенных лиц из Хорватии вернулись в свои дома, согласно официальной статистике. Было, однако, предположение, что значительная доля официально зарегистрированных вернувшихся сербских беженцев не планировала вернуться навсегда, но они зарегистрировались в качестве вернувшегося населения для того, чтобы решить определенные правовые и имущественные вопросы, получить новые документы, навестить родственников и т.д.¹⁴ На самом деле, недавнее исследование ООН по устойчивости возвращения приводит к выводу, что от 44% до 50% зарегистрированных репатриантов, не проживали в Хорватии на постоянной основе, а продолжали жить в странах, где они нашли убежище (как правило, в Сербии).¹⁵ Тем не менее, то же исследование показало, что почти каждый второй из них время от времени посещает свой дом.¹⁶

---

¹³ Хотя этот процесс активизировался во время различных пост-югославских войн, он представлялся долгосрочной тенденцией. Например, в Боснии и Герцеговине количество хорватов в процентном отношении снизилось в течение полувека с 23% (1953) до 14,3% (2000), (см. прим. 10 по Косово, Черногории и Воеводине). Миграция в Хорватию, по-видимому, является главной причиной подобного развития событий, хотя должны были браться в расчет изменения в национально-этнической идентификации, в методологии, использовавшейся во время переписи, а также уровень рождаемости и переезд в другие места.

¹⁴ Даже обладание хорватским паспортом считалось выгодным, так как с военных времен почти все европейские страны учредили безвизовый режим с Хорватией, в то время как виза требовалась для граждан БиГ и СРЮ (и позже Сербии и Черногории)»

¹⁵ Месич и Багич. Устойчивость процесса возвращения меньшинств в Хорватию. Загреб: Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), представительство в Республике Хорватия, 2007, р. 92.

¹⁶ Там же, 33

Кроме того, демографическая структура вернувшегося сербского населения была весьма специфичной. Средний возраст вернувшихся сербов составлял 51 год. Если сравнить этот возрастной порог с общей ситуацией, то в целом в Хорватии средний возраст возвратившегося населения был 39 лет. Каждый четвертый из вернувшихся сербов был в возрасте от 65 до 74 лет, и 12% в возрасте 75 лет. Хотя некоторые особенности методологии могли несколько исказить статистические данные (например, маленькие дети, родившиеся после возвращения, не были зарегистрированы в числе вернувшихся), тем не менее, создавалось впечатление, что возвращались люди пожилого возраста. Молодые и образованные беженцы, вероятно, имели больше возможностей найти работу и интегрироваться в социальную среду, в которой они нашли убежище. В то же время для пожилого населения было важно получение пенсии.¹⁷ Различные объективные или субъективные причины препятствовали обратной миграции или, точнее говоря, ее постоянному процессу. В этом отношении представляются наиболее важными две основные причины или группы причин.

Во-первых, за исключением районов в Славонии, многие места возвращения еще до войны считались слаборазвитыми в экономическом плане. Разрушения, вызванные войной, включая те, что произошли за несколько лет сомнительного управления повстанческой армии, а также разорение оставленного сербами имущества после исхода сербов в 1995 году, еще более усугубили ситуацию. Хорватское правительство оказало финансовую помощь для восстановления наиболее разрушенных домов в размере до 215 000 кун (около € 28 000-30 000), и сейчас большинство домов уже отремонтированы.¹⁸ Однако серьезной проблемой остается так называемое «социальное жилье» (преобразованная социалистическая жилищная система). Люди, которые жили на территории самопровозглашенной «Сербской Крайны» упустили возможность выкупить социальное жилье, в котором они проживали, на таких же благоприятных условиях, как в остальной Хорватии, где процесс приватизации был завершен за много лет до начала приватизации в Крайне.

---

¹⁷ Там же, 37, 38, 39, 65, 95.

¹⁸ Там же, 96.

Экономическая ситуация в районах возвращения в целом была далека от идеальной, и большинство вернувшегося населения однозначно видели в этом главную проблему. По статистике 11% всех возвратившихся семей сербской национальности не имеют регулярного дохода, в то время как в Хорватии в целом количество таких семей составляет 2% . У четвертой части вернувшегося сербского населения доход составляет менее 1000 кун (около 140 €), в то время, как в целом по Хорватии такие показатели только у 5% населения.

Многие из возвратившихся зарабатывают деньги, занимаясь сельскохозяйственной деятельностью. Размеры принадлежащих им сельскохозяйственных угодий достаточно большие в условиях Хорватии. Но при этом надо учитывать возрастную категорию вернувшегося населения, и довольно мрачные перспективы для развития сельского хозяйства в Хорватии, особенно в свете нынешних переговоров о вступлении Хорватии в ЕС. В виду этих причин представляется маловероятным, что сельское хозяйство могло бы стимулировать развитие территорий, на которые возвратилось население. .¹⁹

Таким образом, экономическая основа для возвращения населения оказалась далеко не оптимистичной. Тем не менее, авторы исследования по вопросам устойчивого возвращения отметили, что большинство из тех, кто возвратился, утверждают, что их экономическая ситуация все же лучше, чем в тот период, когда они жили в других странах как беженцы. Только возвратившиеся из стран за пределами бывшей югославской территории оценили ситуацию как ухудшившуюся по сравнению с ситуацией в странах, где они проживали как беженцы.²⁰ Это вполне логично, если принять во внимание тот факт, что страны, в которых нашло убежище подавляющее большинство (около 90%) сербских беженцев (Сербия-Черногория и Босния и Герцеговина, особенно сербское образование БиГ), были значительно менее развиты, чем Хорватия. В то же время, большинство других стран, в которых сербы нашли убежище (в основном Западная / Северная Европа) были более развитыми.

Второй основной ряд причин, препятствующих процессу возвращения, носит социально – психологический характер. Социаль-

---

¹⁹ Там же, 97, 98,99, 100.

²⁰ Там же, 66, 70, 88,

но-психологическая ситуация не совсем способствовала возвращению сербов, которые были “по другую сторону” во время войны, или которые воспринимались, как люди, которые были “по другую сторону”. В этом плане ситуация все еще далеко не благоприятная.

Хорватское правительство может объявить о праве на возвращение, но не может заставить людей забыть то, что они испытали во время войны (это относится, главным образом, к людям, которые испытали “на собственной шкуре” последствия мятежа сербов в Хорватии). Аналогичным образом, международное сообщество и ЕС может оказать давление на хорватское правительство, чтобы оно уважало права человека и ускорило процесс возвращения, но указом невозможно изменить чувства и мысли людей, и надеяться, что они будут вести себя так, как будто ничего не произошло. Раны войны по-прежнему глубоки.²¹ В определенных областях, тем не менее, появились признаки улучшения ситуации, о чем можно судить по тому, как восстанавливаются первичные социальные связи между сербами и хорватами в некоторых районах возвращения. Это, прежде всего, относится к возвратившимся коренным сербам и хорватам, проживавшим в этих районах до войны и ранее имевшим опыт сосуществования и взаимной помощи (в определенной степени сохранившийся со времен Второй Мировой войны). С другой стороны, ситуация осложнялась появлением новых иммигрантов во многих районах. Речь идет о переселении хорватских беженцев из Боснии и Герцеговины. Напряженность отмечалась между данной группой с одной стороны, и коренными сербами и коренными хорватами, с другой (в последнем случае, несмотря на общую этническую принадлежность, проявляются культурные и социальные различия).

---

²¹ Месич и Багич дали отличный комментарий о праве на возвращение: “... даже интеграция беженцев в первую очередь характеризуется как право. По крайней мере, это заявление можно понять так, что “не может быть никакой надежды на нормальное существование, пока большинство перемещенных лиц не интегрировались в свои сообщества (УВКБ,” Положение беженцев в мире, Женева, 1997 год: 162). Во-первых, интеграция- это двусторонний (или многосторонний) процесс, и она не может быть навязана другому (большинству) этническому сообществу. Более того, если она навязывается “извне” как эксклюзивное право, то она не только остается формальным правом, но и будет причиной скорее для отторжения, чем для примирения

Большинство анализа и эмпирических исследований, проведенных учеными Института Миграции и Национальностей в Загребе, в частности, доктором Драго Бабицем (который в настоящее время возглавляет новый исследовательский проект по хорватско-сербским отношениям в районах возвращения) показывают, что уровень антагонизма между хорватами и сербами по-прежнему остается самым сильным в Восточной Славонии и Западном Среме. Это может *показаться* парадоксальным, поскольку этот регион является той частью Хорватии, которую ранее контролировали сербские повстанцы, но которая была реинтегрирована в страну мирным путем (при содействии ООН и международного сообщества). Однако мирная интеграция означала также, что, по крайней мере, часть структуры власти, которая существовала во время оккупации, была сохранена и воспроизведена в новых рамках. И наоборот, в тех областях, где реинтеграция была достигнута путем прямых военных действий, такие структуры власти были разрушены, и сербы, оставшиеся в этих регионах, или вернувшиеся позже, могли создавать новые формы сосуществования со своими хорватскими соседями, будучи менее обремененными воспоминаниями о прошлых событиях. Кроме того, сербы, возвращающиеся в такие области после войны, в силу самого факта своего возвращения демонстрировали принятие законного правительства, что дистанцировало их от образа мятежников и врагов.

Исследование устойчивости процесса возвращения сербских беженцев в Хорватию было сфокусировано также на изучении такого социально-психологического аспекта, как чувство безопасности и терпимости среди вернувшихся сербов. После проведения опроса среди вернувшихся сербов исследователи обнаружили, что большинство из них не говорили о своем собственном опыте и опасениях, о том, что их не принимают или подвергают дискриминации, хотя в то же время каждый четвертый респондент заявил, что он или она слышали, что такое случилось с другими вернувшимися беженцами. Исследователи пришли к выводу, что истина, “вероятно, находится” где-то посередине между этими заявлениями и различными “слухами”²². Инциденты дей-

---

²² Там же, 22.

ствительно имели место, но, по впечатлению авторов, они не носили острого характера.²³ Однако, со своей стороны, большинство вернувшихся сербов, не были согласны с нынешним статусом меньшинства, которое гарантировало им права меньшинств, считая, что это делает их гражданами второго сорта. Они желали быть составной частью в Хорватии (иметь конституционно закрепленное положение), но именно такой их статус в прошлом привел к восстанию сербов и к войне.²⁴

В заключение, оценивая перспективы возвращения, следует сказать об одной тенденции, которая, как представляется, всегда срабатывает: чем дольше беженцы и перемещенные лица остаются в тех местах, в которых им дали убежище, тем больше вероятность того, что они адаптируются к этим условиям и предпочитают не возвращаться. Причем эта тенденция может проявиться сильнее в ситуациях, в которых потоки беженцев направляются в страны или регионы, где местное население имеет ту же национальную или этническую принадлежность, что и беженцы. Однако, как показывает пример хорватов, хорватские беженцы из Боснии и Герцеговины или Косово (ранее хорватский анклав в Дзандзево, см. прим. 10) сталкиваются с определенными трудностями в адаптации к местной культуре в Хорватии. В то же время эти трудности легче переносятся благодаря общей хорватской самоидентификации. Если вспомнить массовый исход итальянцев и немцев из титовской Югославии после Второй Мировой войны, то можно вспомнить и о том, что этих людей по-разному встречали в Италии и Германии. Там были случаи столкновения с представителями коренного населения. Например, итальянцы, бежавшие до наступления партизан, рассматривались определенными антифашистскими группами в Италии как фашистские коллабо-

---

²³ Известны несколько серьезных инцидентов, в которых безопасность вернувшихся сербов оказалась под угрозой, небольшой ущерб был нанесен религиозным объектам и тому подобное. Однако эти инциденты, к счастью, были менее радикальными, чем другие ксенофобские инциденты, включая террористические нападения на иностранцев в некоторых странах Западной Европы, где происходит миграция.

²⁴ Там же, 84.

рационисты.²⁵ Однако, итальянские “оптанты” в Италии и изгнанные немцы в Германии пользовались преимуществами, которыми не обладали другие группы беженцев. Это, вероятно, ускорило их интеграцию в социальный уклад принимающей страны и постепенно разрушило их желание вернуться.

Во всяком случае, несмотря на то, что очень важно было гарантировать военным мигрантам их основное право на возвращение в свои дома, психологические, социологические, экономические и другие факторы, зачастую затрудняют этот процесс. И история подтверждает, что многие военные мигранты никогда не возвращаются. Это не значит, что мы должны быть циниками в этом вопросе как, например, Васа Кубрилович, цитату из выступления которого мы приводили выше. Если люди были вынуждены покинуть свои дома не будучи виновными в каком-либо преступлении, и если это изгнание было насильственным, то в случае, если у них пропадет желание вернуться, должна быть какая-то форма компенсации.²⁶

Заканчивая свое выступление, я вновь обращаюсь к исследованию ООН по устойчивому возвращению, в котором авторы пришли к выводу: “Если можно предложить что-то полезное для под-

---

²⁵ Аналогичные ситуации происходили среди немецких беженцев, изгнанных из разных стран Восточной Европы. Например, одна из судетских немок, депортированная чешскими войсками из города Новый Ичин (Neutitschein) Моравско-Силезского района в июле 1945 года, рассказала, как относились к беженцам после их прибытия в Германию: “Мы расположились на лугах и во рвах как бедные жалкие существа, которых сделали бездомными и нищими немцы из Германии, и на нас смотрели как на прокаженных. Даже стакан воды не давали, не задав вопроса: “Зачем вы пришли сюда? Почему не остались там, с чехами?” (см. “По вопросу высылки немцев из Neutitschein”, <http://www.conklinhouse.com/genealogy/maternal/heliletter.html>).

²⁶ В случае с итальянскими “оптантами”, единственный нерешенный вопрос касается вопроса компенсации за конфискованное имущество. 18 февраля 1983, бывшая Югославия и Италия подписали соглашение, по которому Югославия согласилась выплатить 110 миллионов долларов США в качестве компенсации за потери. К моменту распада Югославии в 1991 году было выплачено всего лишь 18 миллионов долларов США. Словения и Хорватия взяли на себя обязательство разделить оставшуюся часть задолженности, 62% должна была выплатить Словения и 38% – Хорватия. Словения выплатила всю сумму на возмещение ущерба в 2002 году, в то время как Хорватия еще не начала выплачивать свою долю.

держания устойчивого возвращения, то это могут быть программы по развитию для районов более массового возвращения, каковыми главным образом являются экономически слаборазвитые районы Хорватии. Программы, однако, должны быть направлены не только на вернувшихся жителей и на создание рабочих мест для них, но и на большинство населения, чтобы у обеих общин была заинтересованность в ускорении интеграции одной общины и в доброй воле другой...”²⁷

---

²⁷ Там же, 107.